

Определенное множество vs неопределенное множество: о некоторых аспектах взаимодействия

М. А. Ивлева, Е. В. Федяева

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Статья посвящена вопросу корреляции структурных компонентов базового концепта КОЛИЧЕСТВО. Континуальный характер человеческого сознания, отсутствие четких границ и наличие множества переходных зон обуславливает тот факт, что репрезентанты ‘определенного множества’, представленные в языке отдельным классом слов – числительными, способны транслировать идею неопределенного множества. Поскольку число как способ репрезентации КОЛИЧЕСТВА является универсальной формой отражения результатов познания человеком окружающего мира, реконструкция некоторых аспектов взаимодействия ‘определенного’ и ‘неопределенного множества’ в сопоставительном аспекте дает возможность выявить дополнительные универсальные содержательные компоненты в структуре глубинного представления о числе, сформировавшиеся в сознании представителей разных лингвокультурных сообществ.

Ключевые слова: сознание, количество, определенное множество, неопределенное множество, числительное, лингвокультурные аспекты.

УДК 81-119/81-115

Контактная информация: Ивлева Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета НГТУ (пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, marivleva@mail.ru)

Ивлева М. А., Федяева Е. В. Определенное множество vs неопределенное множество: о некоторых аспектах взаимодействия // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 99–110.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 2
© М. А. Ивлева, Е. В. Федяева, 2015

Федяева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета НГТУ (пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, fedyaeva_lena@mail.ru)

...«идея числа», или трансцендентальное понятие, есть наивысшая ступень среди чистых понятий.

Ю. С. Степанов

Принимая положение о трансцендентальности человеческого мышления, можно утверждать, что числовой символизм представляет собой область знания, целиком и полностью лежащую за пределами сознания. Его трансцендентальная природа заключается в том, что человек бессознательно знает, что образ числа «встроен» в его сознание и является так называемым первоначальным образом, одним из базовых символов, которыми он оперирует. В целом, обращение человека к символам, по словам Г. И. Берестнева, необходимо с познавательной точки зрения и составляет его «когнитивный инстинкт». В символах человеческое сознание находит ту единственную возможную опору, которая позволяет ему интеллектуально освоить собственный глубинный содержательный потенциал [1999, с. 41].

К. Юнг, основоположник аналитической психологии, выдвинувший тезис о существовании в человеческом бессознательном особых образных праформ, имеющих всеобщий характер, отмечал, что «представление о числе имеет архетипический характер, поскольку существует значительная сфера бессознательного, которая изначально проявляется автономно в качестве парапсихологического феномена так же, как она проявлялась у первобытных людей» [1998, с. 100]. Число, в терминах Юнга, относится к архетипам «коллективного бессознательного», которые являются своеобразными когнитивными паттернами, фундаментальными понятиями, присущими всему человечеству, поскольку именно они отражают наиболее существенные отношения онтологии мира.

Сегодня подавляющее большинство исследователей в области археологии и этнографии, математики, истории философии и культуры приходит к единодушному мнению о том, что определяющим моментом в становлении идеи числа и количества вообще лежит несчитываемое множество предметов, так называемое «неопределенное множество» «много», «куча», «тьма». Таким образом, «в структуре зарождающегося рационального количественного видения мира первичным было не число как таковое, а “множество” с особым образно-смысловым содержанием» [Парнюк, Рыжко и др., 1991, с. 31].

Поскольку исходным для формирования числа является некоторое множество, то из этого, вероятно, следует, что на начальном этапе своего

развития человек ощущал число как присущее предметам качество, счет же сводился к поиску глобального сходства. В связи с этим отметим, что, по словам К. Меннингера, даже в XVIII в. абиноны, племя южно-американских индейцев, не умея считать, могли сразу определить, что в своре собак, например, не хватает одной. Они также могли определить размер конского табуна по той площади, которую занимают лошади, стоящие бок о бок: некое *чувство числа* позволяло их глазу безошибочно определить отсутствие одного животного и переводило число, которое еще нельзя было себе представить, в легко воспринимаемую пространственную форму [2001, с. 17].

Вычленение некоторых множеств конкретных предметов, которые могли бы использоваться в качестве эталона для измерения других множеств, стало следующим этапом в развитии числового символизма. Люди *считают*, сопоставляя некоторое множество с пальцами на руках и ногах, а также окружающими человека предметами (зернышками риса, горошинами, ракушками и т. д.). Количество представлено в облики качества, поскольку еще не может мыслиться в отрыве от понятий о конкретных предметах, их составляющих.

Постепенное абстрагирование числовой последовательности от вещей, подвергающихся счету, от их качественных особенностей стоило человеческому разуму больших трудностей. Числовая последовательность, таким образом, есть не что иное, как упорядоченное создание человеческого разума. Возникновение же числительных как отдельного класса слов есть проявление количества «самого-по-себе», вне качественной конкретизации.

В целом непосредственно количественные различия и отношения объектов реального мира ведут к формированию в сознании некой понятийной категории, некой концептуальной структуры, являющейся отражением знаний человека о количественных отношениях и количественных различиях объектов и явлений реального мира. По мере того как данная концептуальная структура оказывается сложной и отвечающей насущным потребностям человека, она объективируется с помощью языка.

Как представляется, несмотря на различия в терминологии, термин «понятийная категория количества» может быть соотнесен с термином «базовый концепт КОЛИЧЕСТВО», поскольку в проекции на язык и концепт КОЛИЧЕСТВО, и понятийная категория количества образуют семантическую категорию, формируемую грамматическими и иными средствами языка.

Семантическая категория квантитативности и базирующееся на ней функционально-семантическое поле квантитативности – это языковая интерпретация понятийной категории количества, или, другими словами, это система равноуровневых средств объективации и языковой репрезентации базового концепта КОЛИЧЕСТВО, являющегося универсальным для всех

людей. Возможность построения функционально-семантического поля на материале разных языков базируется на общей референциальной соотнесенности конститuentов данного поля с объективно существующими количественными свойствами, отношениями предметов и явлений реального мира, отражаемых человеческим сознанием.

В терминах полевого принципа можно говорить о том, что структура макрополя квантитативности представлена полями *неопределенной* и *определенной* множественности. В теории множеств, предложенной Г. Кантором, множество трактуется как многое, мыслимое как единое, как совокупность, собрание объектов, обладающих общим свойством [Категория количества..., 1990, с. 15].

Поле *неопределенной множественности* представлено микрополями плюральности и оценки неопределенного количества, поле *определенной множественности* – микрополями единичности и нумеральности.

Неопределенная множественность представлена, в первую очередь, формой множественного числа имен существительных – плюральностью. В качестве средств репрезентации микрополя плюральности выступают также личные, притяжательные и указательные местоимения, личные формы глаголов во множественном числе, существительные Singularia Tantum, Pluralia Tantum. Микрополе неопределенно-оценочного количества представлено неопределенно большим и неопределенно малым множеством и включает субъективную оценку.

Определенная множественность представлена единичностью, которая в проекции на язык представлена количественным числительным «один», и грамматической категорией единственного числа. Средством выражения нумеральности служит специальный класс слов – числительные.

Постулируя континуальный характер человеческого сознания, отсутствие четких границ между категориями и наличие множества переходных зон, необходимо отметить, что такое жесткое деление на ‘определенное’ и ‘неопределенное’ множество является скорее условным. Так, представленное в языке отдельным классом слов – числительными, так называемое ‘определенное, точное множество’ не всегда выглядит вполне определенным и точным. В русском языке, например, определено-количественные числительные способны выражать приблизительные количества – «*два-три*», «*около десяти*», «*с десяток*». Например:

1) В нижнем буфете, закрытом на спецобслуживание, Кокотов собрал *с десяток* своих литературных знакомцев, к которым не испытывал ненависти... [Поляков, 2010, с. 30].

Отметим также использование в современном русском языке таких выражений, как ‘наврать с три короба’, ‘заплатить втридорога’, ‘согнуться в три погибели’, в которых числительное ‘три’ используется скорее для выражения значения неопределенности (коррелирующего с оценкой), нежели определенности.

Интересным представляется и тот факт, что и во французском языке словосочетания с компонентом числительным 'trois', 'quatre' также реализуют значение неопределенного множества (оценки некоторого количества): *trois ou quatre* – 'несколько', *à quatre pas* – 'в нескольких шагах', *à quatre sous* – 'дешево, ничтожно мало'. Например:

2) Je m'excusais de mes faiblesses, me complaisais da ce mélodrame à *qutrea sous*, et j'ignorais que ma vie passait à toute vitesse et que moi je passais à côté [Levy, 179].

Кроме того, сочетания с числительными 'тридцать раз', 'сто раз', 'тысяча раз', 'миллион раз' хотя и содержат определенно-количественные числительные, в обыденной жизни используются в значении неопределенного множества, транслируя идею «много».

Поставив вопрос о степени универсальности выражения идеи 'неопределенного множества' посредством 'определенного', обратимся прежде всего к символическому значению некоторых конститuentов числового ряда.

Согласно Плотину, использовавшему пифагорейский комплекс представлений о неопределенной двойце, так называемом первом различии и «дерзости», именно двойца стала причиной перехода единого во множество [Плотин, 1995, с. 23].

Как известно, в индоевропейских языках «двойка» символизирует противопоставление, сомнение. Так, философ Одо Марквард указывает на корреляцию слова 'zwei', обозначающего 'два', и слова 'zweifel', означающего 'сомнение', в немецком языке. Это подразумевает, что 'два' автоматически привносит определенную неуверенность, колебание в нашу жизнь: «Skeptical doubt – as the word Zweifel [doubt] (which in its zwei [two] also contains multiplicity) betrays – is the procedure (known in the school as «isosthenes diaphonia») of letting two opposed convictions collide with each other» [Marquard, 1991, p. 4]. Отметим, однако, что в сознании представителей китайского лингвокультурного сообщества число 'два' ассоциируется с биполярностью космоса, женским и мужским началами, которые, наоборот, обеспечивают стабильность, полярность и гармонию во Вселенной [Тань Аошуан, 2004, с. 72].

Если 'два' вносит некую неопределенность, создает некую переходную зону от единичности к множественности, то 'три' уже обозначает некое множество. Как отмечает Тань Аошуан, ассоциация числа 'три' со значением 'много' имеет некую психологическую подоплеку. Число три кажется небольшим, если оно находится в соседстве с еще меньшим числом, либо в контрасте со значительно бóльшими числами, т. е. когда оно употреблено в своем собственном значении. В случае, когда это число появляется в контексте поступков, имеющих определенную цель, оно тут же приобретает коннотацию предела. Кроме того, поскольку в сознании представителей китайской нации именно 'тройка' порождает 'десять ты-

сяч вещей’ – форму концептуализации мира, способ его устройства, становится понятным, почему три – это, скорее, ‘много’ [Тань Аошуан, 2004, с. 78–79].

Подтверждением тому, что ‘три’ мыслится как множество, могут служить различные антропологические исследования. Так, в языке бушменов лексема *tu* означает «один (человек)», *tu-tu* – «несколько», а *tu-tu-tu* – «множество, толпа» [Proskurin, 2007, p. 34]. Аристотель высказывает эту мысль следующим образом: «...два [предмета] мы называем “оба” и двоих [человек] – “обоими”, а “всеми” не называем, и лишь о трех [вещах] мы впервые утвердительно высказываем этот предикат» [Аристотель, 1981, с. 265].

Высокая частотность числа ‘три’ в легендах, мифах, сказках, заговорах и т. п. служит подтверждением того, что число ‘три’ символизировало именно множество. Такой способ обозначения множества можно считать наиболее архаичным, поскольку он обнаруживается у животных, таких как птицы, обезьяны, собаки, свиньи, и даже у муравьев [Резникова, 2004].

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, реконструируя индоевропейскую культуру, обнаружили следы архаичного счета до 10 [1984, с. 849–851], связав его со счетом по пальцам рук. Установление десятиричного счета является одним из важнейших событий в становлении и развитии современного общества. Число 10 как важнейшее число такой системы приобрело символическое значение полноты или завершенности, которое впоследствии распространилось и на 100, и на 1000. В этом свете неслучайными представляются 10-летняя осада Трои, 10-летние странствия Одиссея и тот факт, что Ригведа состоит именно из 10 книг, называемых мандалами, а Моисей получил от Бога именно 10 заповедей.

Объединение указанных способов обозначения множества также получило значительное распространение. Наиболее очевидным примером для русской культуры служит часто встречающееся в сказках «тридевятое царство, тридесятое государство». Достаточно интересным случаем, однако, представляется и использование числа 30 в древнеанглийской поэзии. Так, в эпосе «Беовульф» главный герой характеризуется следующим образом:

3) þæt he [XXX]tiges // manna mægen-cræft on his mundgripe // heaforof hæbbe (Beo. 379–381) – «Что у него 30 мужей мощь и сила в руках (в хватке рук), у прославленного в битвах имелась» (пер. наш. – М. И., Е. Ф.).

Разумеется, речь ни в коей мере не может идти о какой-либо закрепленной единице измерения человеческой силы в терминах, которые мы сейчас используем, например «лошадиные силы» для характеристики двигателей. Беовульф описывается как очень сильный человек, а указанное число лишь придает дополнительные оттенки смысла. Тем не менее есть заметная разница в весомости характеристик, т. е. если сказать «Он очень сильный человек» или «В нем сила 30 человек», то первое высказывание

покажется слишком общим и, следовательно, малоинформативным. Второе же, имея эталон для сравнения, может быть наглядно представлено.

В этой же плоскости рассуждений может быть представлен и следующий пример, когда Беовульф единственный выжил в битве, в которой пал его родственник и король Хигеляк.

4) «*ƿonan Beowulf com // sylfes cræfte, sundnytte dreah; // hæfde him on earme ana / XXXL // hildegeatwa, þa he to holme beag*» (Beo. 2359–2362) – «...но спасся Беовульф! – пловец искусный, он вплавь через хляби один возвратился и тридцать тяжких вынес доспехов на берег моря» (пер. В. Г. Тихомирова) [Беовульф, 1975, с. 140–141].

Доспехи всегда ценились очень высоко, и тот факт, что герой сохраняет возможность набрать новых воинов, характеризует его не только как очень сильного, но и как дальновидного человека. При этом его сила снова может иметь вполне конкретное исчисление, поскольку есть эталон – доспех, и его вес можно представить, не забыв при этом учесть, что герой переплыл море с 30 комплектами доспехов.

Антагонист Беовульфа Грендель характеризуется в таком же количественном описании – он также очень силен, поскольку способен схватить 30 воинов:

5) *Wilt unhælo, // grim ond grædig, gearo sona wæs, // reoc ond reþe, ond on ræste // genam þritig þegna, þanon eft gewat // huðe hremig to ham faran, // mid þære wælfylle wica neosan* (Beo. 120–125) – «враг обнаружил дружину, уснувшую после пиршества, не ждали спящие ужасной участи, тогда, не мешкая, грабитель грозный, тать кровожорный похитил тридцать мужей-воителей, и, с громким хохотом и корчась мерзостно, вор в берлогу сволок добычу, радуясь запаху мяса и крови» (пер. В. Г. Тихомирова) [Беовульф, 1975, с. 34–35].

Таким образом, и ‘три’, и ‘десять’ по отдельности или в комбинации оказываются способными передавать идею неопределенного множества. Именно такие семантические переходы чисел первого десятка в соответствующие им десятки описаны Ю. С. Степановым. На индоевропейском материале достоверно зафиксированы только переходы 1–10 и далее 10–100–1000, однако исследования других культур подтверждают универсальный характер таких переходов [Степанов, 2001, с. 378]. Кроме того, для индоевропейских языков прослеживается и этимологическая связь между словами «десять», «сто» и «тысяча» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 846–848].

Числа же, превышающие 20, т. е. общее количество пальцев на руках и ногах, достаточно часто употребляются именно в значении неопределенного множества. Так, Беовульф правил своим народом в течение 100 полугодий до появления дракона, а в древнеанглийской загадке об одноглазом продавце чеснока, соотносимой с одной из 100 (!) латинских загадок Симфония, упоминаются «12 сотен голов». И таких примеров не мало.

Анализ фактического материала показал, что и современная языковая действительность изобилует примерами манифестации 'неточного, неопределенного множества' посредством 'определенного'.

Во франкоязычном сознании, например, существует тесная взаимосвязь между представлением о количестве совершенных действий и такими числительными, как 'три', 'пять', 'сто', 'тысяча', в подтверждение чего отметим тот факт, что согласно «Ассоциативному словарю французского языка», числительные *trois, cinq, cent, mille* послужили реакцией на стимул «*fois*» – раз [Дебрэнн, 2010, т. 1, с. 173].

Однако наиболее частотными примерами выражения идеи неопределенного множества являются такие конститuentы числового ряда, как 100, 1000 и т. д.

Так, лексема 'cent' (lat. *centum*) означает «un grand nombre indéterminé». Например:

6) Il l'a répété *cent et cent fois* [Larousse, 2002, p. 296].

Отметим, что и в других языках использование числительного 'сто' в роли репрезентанта идеи неопределенного множества представляется вполне очевидным. Сравним:

7) Я ломал руки, я звал Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потом все громче и громче; я повторял *сто* раз, что я ее люблю, я клялся никогда с ней не расставаться; я дал бы все на свете, чтобы опять держать ее холодную руку, опять слышать ее тихий голос, опять видеть ее перед собою [Тургенев, 1962, с. 196].

8) – А я тебе сто раз говорила – не надо выяснять отношения дома. В этом «сто раз» явно прозвучал упрек в невнимательности к ее одинокой и трогательной женской судьбе, но Тетерину сейчас было не до чужих упреков [Геласимов, 2009, с. 32].

9) He had read it *a hundred times* since that morning [Steel, 2006, p. 92].

10) ...and I've got *hundreds of things* to do like going to the bloody funeral and seeing the parents and so on [Murdoch, 2003, p. 153].

Наряду с числительным 'сто', 'тысяча' также реализует значение неопределенного множества. Обратимся к следующим примерам:

11) Plus tard, dans sa chambre, alors qu'il écoutait *pour la mille et unième fois* un morceau du «Clavier bien tempéré», la conversation avec Simon lui était revenue [Pancol, 2010, p. 68].

12) J'ai eu beau lui promettre *mille choses* [Pancol, 2010, p. 299].

13) With her hands pressed to her mouth and her eyes closed *a thousand* terrifying images ran helter-skelter through her head [Steel, 2006, p.107].

14) The rain was pouring down *like ten thousand*, and the house working in the wind like grinding teeth... [Atwood, 1997, p. 325].

Посредством же числительного 'миллион', передается гиперболизированное значение 'много':

15) I want everything perfect. I work a *million* hours a day [Steel, 2004, p. 184].

16) «Thanks *a million*, Ted,» she whispered as they walked from class [Segal, 1986, p. 387].

Вероятным объяснением использования данных репрезентантов определенного множества в качестве средств выражения неопределенного множества может стать мысль о том, что точное число и особенно конститuenty числового ряда, представляющие собой так называемые ‘большие числа’, всегда связаны с идеей о невозможности счета, о бесконечности счисления, а значит, и о бесконечном множестве, что имеет гораздо более существенный эффект воздействия на сознание слушающего. Интересным в этой связи представляется мнение П. Хиггинса, который пишет: «How often, for instance, do we hear in modern life an expert say that he is 90 % sure of an outcome – not 92 % or 88 %, but 90 %. The figure lacks true meaning if there is no way of calculating it. However, we often feel obliged to produce a number even when we do not have one so we can fall into the trap of simply making them up in order to sound more authoritative. In the absence of real information, a vague statement may be correct and a precise one with a number in it merely a form of wishful thinking made in order to sound more informed and convincing in the face of uncertainty» [Higgins, 2008, p. 4]. Кроме того, с учетом фактора лингвокреативности, не следует забывать об имеющей место субъективизации смыслов, зачастую имплицированной в числовых репрезентантах, а также о стремлении к экспрессивному самовыражению.

В заключение отметим, что попытка реконструкции некоторых аспектов взаимодействия неопределенного и определенного множеств, уточнения зон их корреляции в сопоставительном аспекте дает возможность выявить универсальные содержательные компоненты в структуре глубинного представления о числе.

Поскольку категории сознания допускают множество точек соприкосновения, взаимопроникновения и переходов из одной категории в другую, репрезентанты определенного множества способны имплицировать идею неопределенного множества.

Существование же общего механизма сознания, обусловленного биологическим единством людей, наличие символических числовых систем, в общем аналогичных по своему содержанию, объясняет скорее универсальный способ выражения идеи неопределенного множества языковыми репрезентантами со значением определенного множества, имеющими конвенциональный характер.

Список литературы

Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1981. 613 с. Т. 3: Перевод / Статья и примеч. П. Д. Рожанского. (Филос. наследие. Т. 83). С. 263–378.

Берестнев Г. И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 37–65.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Ч. 1–2. 1328 с.

Дебрени М. Французский ассоциативный словарь: В 2 т. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2010.

Категория количества в современных европейских языках / В. В. Акуленко, С. А. Швачко, Е. И. Букреева и др., отв. ред. В. В. Акуленко. АН СССР. Киев: Наук. дум., 1990. 284 с.

Меннингер К. История цифр. Числа. Символы, слова / Пер. с англ. Е. В. Ломановой. М.: Центрполиграф, 2011. 543 с.

Парнюк М. А., Рыжко В. А. и др. Категория количества в науке. Киев: Наук. дум., 1991. 242 с.

Плотин. Сочинения. Плотин в русских переводах (серия «Античная библиотека»). СПб.: Алетейя, 1995. 669 с.

Резникова Ж. И. Экспериментальные исследования способностей животных к количественным оценкам предметного мира // Модернизм в психологии: Сб. материалов Всерос. конф. Новосибирск, 2004. С. 113–136.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

Тань Аошуан. Китайская картина мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.

Юнг К. Г. Психология бессознательного. М.: АСТ – ЛТД: Канон +, 1998. 399 с.

Higgins P. Number story from counting to cryptography. Springer-Verlag London Limited, 2008.

Lexis Larousse de la langue française. Paris: Larousse, 2002. 2109 p.

Marquard O. In Defense of the Accidental. Philosophical Studies. Oxford University Press, 1991. 144 p.

Proskurin S. Essays on Current Semiotics. Novosibirsk, 2007. 75 p.

Список источников

Беовульф; Старшая Эдда; Песнь о нибелунгах. М.: Худож. лит., 1975. 751 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая: Литература Древнего Востока, Античного мира, Средних веков, Возрождения, XVII и XVIII вв.; т. 9.)

Геласимов А. В. Дом на Озерной. М.: Эксмо, 2009. 253 с.

Поляков Ю. Гипсовый трубач, или Конец фильма. М.: Астрель: АСТ, 2010. 381 с. (Геометрия любви)

Тургенев И. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 6: Повести, рассказы. 1854–1860. 278 с.

Atwood M. Alias Grace. Lnd.: Virago Press, 1997. 545 p.

- Beowulf. Dobbie E. V. K., Beowulf and Judith, Anglo-Saxon Poetical Records 4 (New York) 1953. P. 3–98 [Adobe Electronic Editions]
Murdoch I. An Accidental Man. Lnd.: Vintage, 2003. 377 p.
Pancol K. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi. Albin Michel, 2010.
Segal E. The Class, N. Y.: Bantam Books, 1986. 531 p.
Steel D. The Ring. Lnd.: Time Warner Books, 2006. 344 p.
Steel D. Dating Games. Lnd.: Corgi Books, 2004. 464 p.

Article metadata

Title: Some Aspects of Definite and Indefinite Multitude Interaction

Author: M. A. Ivleva, E. V. Fedyaeva

Author's e-mail: marivleva@mail.ru, fedyaeva_lena@mail.ru

Abstract: The article deals with the investigation of the basic concept QUANTITY and its structural components correlation. The human mind's continual character as well as the absence of clear-cut boundaries and abundance of transition zones provides the opportunity for the representatives of 'definite multitude', namely numerals, to render the idea of 'indefinite multitude'. Since the number as a means of QUANTITY representation is a universal form of results reflection in the human cognition, the reconstruction of certain aspects of 'indefinite and definite multitudes' interaction in contrastive dimension allows to single out additional universal sense-bearing components in the structure of the underlying concept of number in different linguocultural communities.

Key terms: cognition; quantity; definite multitude; indefinite multitude; numeral; linguocultural aspects.

Reference literature (in transliteration):

Aristotle. Sochineniya. V 4-kh t. T. 3: Perevod /stat'ya i primech. P. D. Rozhanskiy. M.: Mysl', 1981. 613 s. (Filos. nasledie. T. 83). S. 263–378.

Berestnev G. I. K filosofii slova (lingvokul'turologicheskiy aspekt) // Voprosy yazykoznaneya. 1999. № 6. S. 37–65.

Gamkrelidze, T. V., Ivanov, Vyach. Vs. Indoevropeskiy yazyk i indoevropetsy. Ch. 1–2. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta, 1984. 1328 s.

Debrenn M. Frantsuzskiy assotsiativnyy slovar': v 2 t. / Novosib. Gos. Un-t. Novosibirsk, 2010.

Kategoriya kolichestva v sovremennykh evropeyskikh yazykakh / V. V. Akulenko, S. A. Shvachko, E. I. Bukreeva i dr. Otv. red. V. V. Akulenko. AN SSSR. Kiev: Nauka dumka, 1990. 284 s.

Menninger K. Istoriya tsifr. Chisla. Simvoly, slova / per. s angl. E. V. Lomanovoy. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2011. 543 s.

Parnyuk M. A., Ryzhko V. A. i dr. Kategoriya kolichestva v nauke. Kiev: Nauka Dumka, 1991. 242 s.

Plotin. Sochineniya. Plotin v russkikh perevodakh (seriya «Antichnaya biblioteka»). SPb.: izdatel'stvo «Aleteya», 1995. 669 s.

Reznikova Zh. I. Eksperimental'nye issledovaniya sposobnostey zhyvotnykh k kolichestvennym otsenkam predmetnogo mira // Modernizm v psikhologii. Sb. mat-lov Vseross. konf. N-sk.: Izd-vo NGU, 2004. S. 113–136.

Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury: Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Akademicheskii proekt, 2001. 990 s.

Tan' Aoshuan. Kitayskaya kartina mira. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 240 s.

Jung K. G. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M: AST – LTD: Kanon +, 1998. 399 s.

Higgins P. Number story from counting to cryptography. Springer-Verlag London Limited 2008

Lexis Larousse de la langue francaise. Paris: Larousse, 2002. 2109 p.

Marquard O. In Defense of the Accidental. Philosophical Studies. Oxford University Press, 1991. 144 p.

Proskurin S. Essays on Current Semiotics. Novosibirsk, 2007. 75 p.

The examples are taken from:

Beovulf; Starshaya Edda; Pesn' o nibelungakh M. : Khudozhestvennaya literatura, 1975.– 751 s. (Biblioteka vsemirnoy literatury. Seriya pervaya: Literatura Drevnego Vostoka, Antichnogo mira, Srednikh vekov, Vozrozhdeniya, XVII i XVIII vv.; t. 9.)

Gelasimov, A. V. Dom na Ozeronoy. M.: Eksmo, 2009. 253 s.

Polyakov Yu. Gipsovyi trubach, ili Konets fil'ma. M.: Astrel': AST, 2010. 381 s. (Geometriya lyubvi)

Turgenev, I. S. Sobranie sochineniy. V 10 t. T.6: Povesti, rasskazy. 1854–1860 / Turgenev Ivan Sergeevich. M.: Goslitizdat, 1962. 278s.

Atwood M. Alias Grace. Lnd.: Virago Press, 1997. 545 p.

Beowulf. Dobbie, E.V.K., Beowulf and Judith, Anglo-Saxon Poetical Records 4 (New York) 1953 pp. 3-98 [Adobe Electronic Editions]

Murdoch I. An Accidental Man. Lnd.: Vintage, 2003. 377 p.

Pancof K. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi. Albin Michel, 2010.

Segal E. The Class, N.Y.: Bantam Books, 1986, 531p.

Steel D. The Ring. Lnd.: Time Warner Books, 2006. 344 p.

Steel D. Dating Games. Lnd.: Corgi Books, 2004. 464 p.